

БЕЗ СУЕТЫ

Лариса Матрос

Лариса Матрос

Без суеты

«ИП Стрельбицкий»

Матрос Л.

Без суеты / Л. Матрос — «ИП Стрельбицкий»,

Детективная повесть «Без суеты» — остросюжетное, психологически напряженное произведение о столкновении шкалы ценностей персонажей, представляющих разные слои общества по обе стороны океана. В отличие от общепринятых стандартов построения детективного сюжета, текст этой повести никак не изобилует присутствием глубокомысленных умозаключений сыщика при анализе состава преступления, версий, допросов свидетелей, жертв, подозреваемых, виновников. Нет здесь следственных экспериментов, ложных наводок, интриг, призванных ввести следствие в заблуждение, ухищрений свидетелей, подозреваемых. И все же — это классический детектив со всеми необходимыми атрибутами жанра: преступление, поиск преступника, обнаружение его и наказание. Но это — детектив, где все эти атрибуты жанра представлены в совершенно иной ипостаси, ибо предметом расследования является не убийство, с описания которого начинается повесть, а сыщиком не является капитан Дуглас, которому поручено расследование. Здесь следователем выступает сам автор, предметом анализа которого является логика и психология всей жизни каждого персонажа, прямо или косвенно сопричастного к событию. В этом сжатом анонсе нет места для обращения к ссылкам толкования библейского изречения: «Вначале было слово», но именно слово в повести является арсеналом расследования для сыщика-автора. Общеизвестно, что слово играет важнейшую роль

И как средство коммуникаций между людьми, и как средство презентации каждой персоной себя. Словом можно осознанно скрывать свою суть, подлинные мотивы своего поведения, разные жизненные ситуации. Но в такой же мере, словом можно неосознанно раскрывать то, что не хотелось бы обнажать, о себе как таковом (таковой), об окружающей жизни. Именно поэтому здесь автор-следователь копается в диалогах героев, на которых построен

весь сюжет повести, до последних страниц держащий читателя в неведении о том, к чему результат расследования приведет.

© Матрос Л.
© ИП Стрельбицкий

Лариса Матрос

БЕЗ СУЕТЫ

ПОВЕСТЬ

Когда-то, лет 10–15 тому назад этот райский уголок американского города Среднего Запада облюбовали весьма обеспеченные представители высшего звена среднего класса, в тот период их жизни, когда взрослые дети, начав самостоятельную жизнь, покинули родительские дома. В их просторах одиноким, не первой молодости людям уже не было надобности. Потому они построили в этом, одном из самых престижных районов города, кооператив. Он состоял примерно из 40 одно – двух – этажных домов и четырехэтажного многоквартирного здания, куда, как правило, селились те, кто не хотел, либо не мог по возрасту одолевать заботы, связанные с домом. Размер квартир, естественно, определялся уровнем потребностей и материальных возможностей владельцев (арендаторов). Главное преимущество этих жилищ (и домов, и квартир) для лиц не первой молодости состояло в том, что в отличие от самостоятельных домов (с требующими ухода приусадебными участками, бассейнами), здесь и лужайки, и бассейн, и озеро, и теннисный корт – все было кооперативным. Жильцы выплачивали ежемесячный (относительно немалый) взнос за обслуживание этих удобств, которое обеспечивалось штатным персоналом офиса.

Офис (контора, или ЖЭК – по-советски) размещался здесь же в здании кооперативного клуба, который использовался для коллективных мероприятий: групп здорового образа жизни, любителей игры в бридж, коллективных вечеринок, банкетов, которые жильцы устраивали по разным поводам: зимних и осенних общенациональных праздников, по случаю открытия бассейна (в начале лета), его закрытия (в середине осени) и др. За небольшую плату, можно было клуб арендовать для индивидуальных торжеств, например, в связи с днем рождения, бракосочетания (что бывало и здесь), приездом гостей и пр.

Под названием Forest Lake (Лесное озеро) кооператив был расположен в очень удобном для сообщения месте. Простирающиеся недалеко скоростные дороги обеспечивали возможность за относительно короткое время добираться до аэропорта, центров развлечений, наиболее популярных торговых центров.

К этому времени состав основателей кооператива был неизменным с начала заселения и напоминал обитель большой семьи, где все в основном все знали друг о друге, радостно встречались на торжествах, организовывали совместные путешествия. Лишь единственным исключением был новый обитатель двухкомнатной (one bedroom) квартиры на четвертом этаже четырехэтажного здания. Он поселился, полгода назад и еще не успел, либо не хотел вступить в какие-либо контакты с соседями. За пределами приветствий в виде соответствующего помахивания головой, либо реплик: «Hi», «OK», «Thank you»? от него никто не услышал ни разу ни слова.

Хозяйка этой квартиры умерла и ее внук, получивший последнее пристанище бабушки в наследство, сдал его в аренду русской женщине, которая оформив документы на свое имя, поселила туда, как пояснила, на время, своего родственника. Им был высокий, стройный, светловолосый мужчина лет сорока, который и национальностью, и возрастом внес разнообразие в эту среду коренных, немолодых американцев. Он, естественно вызывал их жгучее любопытство. Соседи шептались, выпытывая друг у друга хоть какие-то сведения о незнакомце, но ничего, никому о нем узнать, не удалось. Только одна «дама с собачкой» сказала, что как-то давно видела его с какой-то, примерно его возраста блондинкой, когда они, выйдя из подъезда, садились в машину, за руль которой блондинка и села.

Этот жаркий октябрьский день был настолько нетипичен для этого времени года этого края, насколько типично было поведение пребывающих на улице обитателей «Forest Lake». Вдоль освещенной солнцем, неуместно высвечивающим увядание крон деревьев, кустов и клумб с цветами самой длинной здесь «центральной» улочки, расслабленно разгуливали мужчины, женщины с собаками разных пород и размеров, бегали, либо в интенсивном темпе шагали блюстители здорового образа жизни. Встретившись взглядом, соседи со стандартной улыбкой приветствовали друг друга, произнося такое же стандартное «How are you» и, не проявляя ни малейшего интереса к ответу, следовали далее.

Но вдруг что-то резко изменилось. Так бывает, когда в ясный солнечный день внезапно врывается гроза, с внушающими угрозу звуками, нервным дрожанием крон деревьев, тревожным потемнением атмосферы. Люди с неосознанным испугом оглядывались по сторонам, пытаясь как-то уловить причины возникновения беспокойства в их, до скуки размеренную жизнь. Поддавшись интуиции, они двинулись к многоквартирному зданию, поскольку, именно туда было устремлено движение незнакомых машин.

Для того чтобы преодолеть расстояние даже между самыми отдаленными домами и улочками, здесь требовалось не более 5–7 минут медленной ходьбы, и потому, через мгновения они увидели две машины: полицейскую и корреспондентскую ведущей в этом городе газеты. Тут же соответственно стоял полицейский и корреспондент с тяжелой камерой в руках.

Близко подходить никому не позволялось, потому любопытные в ожидании новостей, скопились на дозволенном расстоянии от места происшествия. Однако ошеломляющая новость не заставила себя долго ждать: в квартире, где проживал загадочный русский, обнаружен его труп. Это привело расслабленных спокойствием и уютом американцев в шоковое состояние, сопровождавшееся репликами о загадочных, угрюмых, замкнутых русских, о русской мафии и тому подобном.

К вечеру, испуганные «форестлейковцы» рассредоточились по своим жилищам, с нетерпением ожидая следующего дня, когда прояснятся подробности. Но второй день никаких новостей им не принес. И только на третий день по телефону пришло сообщение о том, что все приглашаются на собрание в большом зале клуба к 7-ми часам вечера, где информацию даст представитель местной полиции капитан Дуглас.

Никакими прежними мероприятиями не заполнявшийся более чем на половину зал, ныне, уже за полчаса до назначенного времени не мог вместить всех желающих услышать информацию с первых уст. Ни стульев, ни ступенек, ведущих на верхний этаж, ни даже пространства для стояния в зале не хватило, и кое-кому пришлось «вытянув ухо» томиться в коридоре.

В назначенный час за столом «президиума» сидело несколько членов правления кооператива, над которыми возвышался огромный, крепко сбитый капитан Дуглас. Он был в гражданском темно-сером костюме, что придавало его облику мягкость и доступность. Хотя не трудно было представить, как образ огромной детины преобразовывался в полицейской форме. Здесь этот мужчина 45–50 лет, выглядел ухоженным, спортивным джентльменом, мускулам которого было явно тесновато в элегантном костюме.

Смягченное легкой улыбкой лицо его выражало сочувствие к жильцам и некоторую неловкость, даже виновность из-за столь страшного происшествия.

Собственно, изложением этих своих эмоций он и начал свое выступление. Словно прося снисхождение у растревоженных граждан, Дуглас говорил о том, что искренне сожалеет о случившемся в одном из самых благополучных, по критериям правонарушений и преступности, месте. Поясняя, что не имеет права разглашать тайны следствия, он, в то же время сообщил, что никаких следов насилия над жилищем жертвы (взломов, повреждения входной двери), окон не было обнаружено. Это свидетельствовало о том, что убийца без препятствий проник в квартиру, скорее всего как гость, которому хозяин сам открыл дверь. Капитан при-

зывал к пониманию того, что следствие не допускает никакой суеты и скоропалительных выводов. Все версии тщательно проверяются. В завершении краткого выступления Дуглас изъявил желание отвечать на любые (кроме, связанных с тайной следствия) вопросы.

Первым взял слово Президент кооператива, который поблагодарил полицейского за оперативную работу. Он пояснил «форестлейковцам», что трагедия, как таковая произошла, дня за два до того, как была обнаружена. Так случилось, что одна из соседок убитого обратила внимание на то, что его почтовый ящик (в который по-прежнему приходило много корреспонденции умершей хозяйки) переполнен настолько, что уже не вместил журнал, валявшийся на земле. Она предположила, что одинокий мужчина заболел и несколько раз звонила в дверь. И когда утром, следующего дня она у почтового ящика застала ту же картину, интуиция ей подсказала что-то недоброе. Соседка позвонила в полицию, на что та мгновенно отреагировала.

В ответ на благодарность Президента «Forest Lake» капитан Дуглас расчувствовался и признался, что этот район настолько благополучен, что они даже не сочли нужным обновлять свой арсенал поиска преступников, как это бывает постоянно в других, не столь спокойных районах города. При этом, однако, он не упустил возможности подчеркнуть, что никакой, даже самый новейший арсенал объективно не может обезопасить каждый дом, если жильцы сами не будут проявлять бдительность и внимательность к своему жилищу, так как полиция не может к каждому дому приставить охранника. Стремясь избегать назидательный тон, полицейский не советовал впадать в панику и усилить бдительность по отношению к новым, незнакомым лицам, стучащимся в дверь, появляющимся на улицах кооператива, особенно в непосредственной близости от домов и машин, не оставлять незакрытыми на замок двери особенно у задней части домов, которые примыкает к озеру.

Далее, когда снова последовали вопросы и реплики жильцов, одна из старейшин в своем выступлении ожесточенно предъявила претензию Правлению кооператива из-за того, что оно толком ничего не знало о новом жильце, который может, был связан с русской мафией, из-за чего и поплатился. Соседи оживленно поддержали эту тему и развернулась дискуссия о том, что может, следует в дальнейшем общим собранием обсуждать кандидатуру каждого из новых претендентов на покупку (аренду) жилья в «Forest Lake», где проживают «so nice, so friendly people». Но кто-то из собравшихся выкрикнул ремарку о том, что это может дойти до нарушения прав потенциального покупателя, что не соотносится с принципами общежития такой свободной, и уважающей человека страны, как США.

Пользуясь присутствием представителя полиции, жильцы дополнительно к взбудоражившей их теме, подняли давно наболевший вопрос о том, что в том месте, где их community упирается в одну из центральных и напряженных движением городских магистралей, следовало бы установить светофор, поскольку въезд и выезд затруднен и небезопасен. И происшедшая несколько дней назад авария, в которой погибла женщина, тому подтверждение.

* * *

– Ну что, Славик, здорово, здорово вот так посидеть, поболтать. Почему, почему мы так редко, так редко встречаемся. Молодец, настоящий молодец, что организовал нашу встречу в этом замечательном ресторанчике. А то ведь никак. Все суета, суета, нет времени встретиться с друзьями. Но мы еще с Люськой устроим у нас дома тебе проводы. Давай выпьем за твою удачу. Ты может и прав, что решил уехать. Там, в Америке может, ты найдешь себя. Ведь у них «Новаторство» – это лозунг страны. Им все нестандартное, что-то новенькое подавай. И это правда. Да хоть экономика, например: все достижения, все лучшие идеи идут оттуда. Все Нобелевские премии в области экономики получают американцы. Да ладно, не

об экономике речь сейчас. Не ради экономики мы встретились с тобой сегодня. Давай о тебе и за тебя! Удачи тебе, дружище! Пошли, поехали прямо до дна. Говорят, тогда все сбудется!

– Спасибо, Герман! Спасибо. Знаешь, я вдруг решил, что это – выход для меня. Может там, за океаном все же что-то получится. Там как-то художник не так загнан в стереотипы. Наоборот, насколько могу судить, все, что выходит за стереотипы, все вызывает там интерес. И может там мои портреты будут более востребованы. А может в киноиндустрии найду себя, в Голливуде. Ну, может это мои наивные фантазии из-за незнания тамошней жизни. Здесь тоже уже другие времена. Но нужны большие связи, большие деньги для раскрутки. Может там тоже самое, я не знаю. Но я уже знаю как здесь, а как там – не знаю. Вот и хочу дерзнуть. Знаю, что мне что-то надо менять, это уж я точно знаю.

– А рисовать на Арбате не пробовал?

– Нет, не пробовал.

– А почему?

– Потому что не могу.

– Там ведь полно художников, и есть неплохие, мне кажется. Конечно радости мало сидеть. Но – это хоть какой-то заработок, и, наверное есть надежда на заветное «а вдруг!».

– Нет, нет, это абсолютно не для меня. Я не могу рисовать портрет в присутствии кого-то, кроме модели либо ее (его) фото, портрета – такова особенность моей психики и моего творчества. Я должен ощущать духовную и даже телесную связь с моей моделью во время рисования. Вот потому-то все и происходит, что мои картины вызывают много вопросов и споров. К ним относятся осторожно. Но я по-другому не могу. Что делать, если не могу. Не могу – и все тут. Отсюда и мои проблемы материального плана. Но, ни я первый, ни я последний художник, живущий в нищете и непризнании. Но ничего иного я не умею и не хочу делать. Вот только смотреть в лица людей и воспроизводить их на бумаге, холсте, хоть на чем.

– Да, Славик, да. Я даже не знаю, как произнести расхожую реплику, со знаком плюс или со знаком минус: «Тебе не позавидуешь»– или наоборот: «Тебе можно позавидовать».

– Наверное, и то, и другое. Вот ты, Гера, экономист. У тебя профессия и реальный заработок. Ты делаешь что-то конкретное, а в условиях свободы предпринимательства твоя профессия будет востребована все более. Ты занят серьезными делами, тратишь силы на серьезные задачи, в которых нуждаются люди. А я – я бумаго – тряпкомаратель.

– Да оставь, Слава. Я самый среднестатистический служащий. А ты – талант. Еще в школе наша классная тебе говорила, что будешь знаменитым художником. Ведь на твои стенгазеты, рисунки вся школа сбегалась смотреть. Правда, тогда ты рисовал все подряд: и природу, и разные сюжеты из школьной жизни, а чего стоили твои шаржи на соклассников. И, насколько я понимаю, на портретах ты сосредоточился с недавнего времени. Есть тому причина?

– Да есть, но это длинная история.

– Славка! Вот там, за океаном тебя обязательно заметят. Ведь твои портреты – это что-то! Знаешь, что мне сказала моя Люська, когда увидела впервые свой портрет твоих рук. Она сказала, что у нее закружилась голова от потрясения. Ей показалось, что ты не лицо ее рисовал, ты заглянул в ее душу и что-то вытащил наружу, что она сама скрывала. А ведь ты рисовал не с натуры, а с фотографии.

– Да? Так и сказала? А почему со мной не поделилась впечатлением. Ей не понравилось что – ли?

– Да ты, что! Ей так понравилось, что она приложила этот лист к груди и целый день не выпускала из рук. И знаешь, что она еще сказала? Она сказала: «Я и не знала, что я такая хорошая. Славка словно вытащил, высветил все лучшее, что есть в моей душе».

– Я ее рисовал такой, какой вижу.

– Просто удивительно. Вроде бы, все как в натуре. Но, но какие-то детали, взгляд, положение плеч, осанка, фон... что-то такое, что не передашь, но ты выдал иную личность, чем та, что была на фотографии. Да что я тут распинаясь, ты и сам ведь знаешь. А скажи Славик: ты не экстрасенс, случайно. Ведь тебе удается в своих портретах действительно передать душу человека. Нет, не эмоции, не настроение, а душу, структуру личности, ее психофизиологию. Это какой-то иной жанр. Ты пока не понял просто.

– Ну, ты наворотил, друг мой любезный. Хотя, признаюсь, что есть во мне какие-то экстрасенсорные задатки, это ты верно уловил. Знаешь, порой мне даже не по себе как-то. Вот садится напротив меня модель, мужчина или женщина. Выбирает ракурс, позу, выражение лица, чтоб по-красивей запечатлеться на портрете. А мне ничего этого не надо. Потому что я его вижу насквозь. Вернее сказать: я знаю его насквозь.

– А откуда ты знаешь? Ну допустим, Люську ты действительно знаешь, как облупленную? А других, как?

– Вот тебе ответ на вопрос о том, почему я не рисую на улице. Я не рисую на улице, потому что не могу рисовать случайного прохожего. Я могу рисовать только того, кого очень хорошо знаю.

– А как же ты узнаешь?

– Ну, например, когда мне кто-то заказывает свой или кого-то, кому хочет сделать подарок, портрет, я обязательно провожу несколько собеседований, из которых хочу выявить, как можно больше о нем (о ней), о жизни, заботах, радостях и горестях. Прошу предоставить мне как можно больше фотографий (и профессиональных и любительских) разных периодов их жизни, которые, кстати, чаще говорят больше, чем слова. Если речь идет о тех, кто ушел в мир иной в разные эпохи (было у меня таких пару заказов богатых людей – нарисовать портреты их предков), я прошу рассказать все, что они о них знают из семейных легенд, писем, и конечно фотографий, портретов, описание их внешности в каких-то документах. К тому же, когда я сосредоточился только на портретах, я прочитал немало книг по анатомии, физиологии и психологии человека, чтобы иметь более глубокое представление о процессах, которые происходят в наших телах и душах в разных ситуациях. И еще важнейшим элементом моей работы является музыка.

– Ну, Славка, ты стал просто энциклопедистом, как я посмотрю. И вероятно, у тебя уже накопилось столько материала, что ты бы мог писать книги о своих моделях и твоих взаимоотношениях с ними. Ну, я понимаю, что ты не можешь разглашать то, что тебе поведали, ведь это- все частное, личное, порой интимное даже. Но ты можешь эти сюжеты взять за прообразы и писать. И может это тебе принесет дохода больше, чем картины. И станешь богатым писателем.

– Нет, Гера, это мне не грозит, во – первых потому, что у меня не так много было заказов и потому не так много материалов. Во-вторых, гладко написанное, это еще не есть литература. А я пока писательского таланта в себе не обнаружил. Так многие думают, что раз смог что-то придумать и написать – это уже литература, так же как многие думают, что нарисовать красивую картинку-это уже создать произведение живописи. Научить рисовать можно многих, а стать художником, может лишь тот, у кого есть талант от Бога. Потому – то портретов в мире миллионы, а Джоконда одна и неповторима. Уже сколько веков она не перестает волновать и приковывать к себе внимание людей. И по сей день не могут разгадать ее загадку.

– А что, что тебе дает музыка, Слава. Это вообще что-то новое совсем.

– Для меня музыка, это- неотъемлемый инструмент моего творчества. Ведь музыка – это отражение эмоциональных процессов другого художника-композитора. И музыка четко передает, когда он был охвачен нежностью, любовью, когда негодованием, обидой, протестом. А впрочем, мне даже не обязательно знать, чем был охвачен, что хотел передать своей музыкой композитор. Для меня важно, какие чувства, какие ассоциации эта музыка вызы-

вает во мне, насколько то или иное произведение адекватно моему восприятию моей той или иной модели.

– Интересно, Славка, страшно интересно. Ты никогда так не открывался мне. Я кажется, за этим обедом узнал о тебе больше, чем все прошлые годы нашего знакомства и дружбы. И как же ты в себе все это познал, Славик?

– Это сложно объяснить. Но попытаюсь. Меня самого трогает твой, такой глубокий интерес к специфике моего творчества. Мне самому очень важно высказаться сейчас перед таким поворотом в жизни. Я говорю с тобой, отчуждаю свои мысли, как бы смотрю на них со стороны и проверяю на прочность. Ну вот, вернемся к твоему вопросу: как я это в себе познал. Понимаешь, в повседневности я достаточно мягок с людьми.

– Ну, это можешь не говорить мне, Слава. Это я и так знаю. Даже слишком достаточно мягок, скорее, предостаточно, и настолько, что порой кажешься лопухом. Уж извини, друг, но это так...

– Ну не загибай, Гера. Не лопух, я, не лопух. Но... попался. И однажды попался так сильно, что решил нарисовать портрет своего обидчика таким, каким он мне предстал по сути своей. У меня была его фотография, и я сел рисовать с нее. Нет, я не просто сел и все. Я был одержим желанием высказаться о нем таким образом. И вот тогда я впервые почувствовал, что со мною что-то происходит. Все мое внутренне состояние, состояние протеста, как пружина разжалось во мне и выливалась на листе. И рождался не шарж, не карикатура, рождался этот тип живым и зловещим. Я сам испугался даже и порвал портрет.

– Да, да, Слава, ты что-то постиг *такое*. Да это видно на примере портрета моей Люськи. Ты фактически точно скопировал ее фотопортрет. Но отличие твоего портрета – это фон, взгляд, маленькие новые детали в ракурсе, в прическе, в одежде, в позе... И все- перед нами предстала другая Люся, такая, какую и я даже не знаю.

– Это ты, верно, заметил, Гера. Особенность моих портретов – фон, взгляд и поза. Понимаешь фон для меня – это среда, в которой обитает человек. По сути человек – это условие и следствие окружающей его среды. Среда создает человека, а человек создает среду. Вот фон, на котором я создаю портрет как таковой, уже дает представление о личности модели. Это очень важный показатель самоощущения человека. Причем этот показатель в значительной степени объективный и не зависит от воли и сознания человека. Если человек унижен, подавлен, отвергнут, неудачлив, как бы он ни старался, объективно он не будет при горделивой осанке, и не будет держать нос кверху. Но главное, конечно – это взгляд. Одни и те же глаза по цвету, по разрезу могут быть глазами ангела или глазами дьявола. Потому что, когда мы говорим, что глаза зеркало души – имеем в виду не глаза, как таковые, а именно взгляд. Взгляд – отражает суть движений человеческой души. И он выражает, кто есть этот человек- дьявол или ангел.

– Что – только так: дьявол или ангел? А что-то среднее – дьяволо-ангел, или ангело – дьявол не бывает?

– Да ты не смейся, Герман. Ты – продукт нашего воспитания. Нас так учили: быть терпимым, не утрировать видение зла в другом, а стараться видеть в нем добро. Даже при откровенных злодеяниях, мы стремимся разглядеть что-то доброе, чтобы искать повод для всепрощения. А злодеи этим пользуются только И что бы, кто бы мне не говорил, я знаю, что есть откровенные злодеи среди нас, даже в нашей повседневной, мирной жизни.

– Ну, видать тебя достал, твой обидчик, Уж если такого как ты...

– Да, достал, достал. Но я не делаю никаких открытий в своей классификации, между тем. Уже все сказано и до меня. Вот классику сейчас никто не читает, сейчас читают однодневки. А ведь классика всегда – это обобщение. Классики – они не просто писали сюжеты. Они совершали открытия в отношениях между людьми, и свои обобщения выражали порой в формулах. Вот Толстовское: «Все счастливые семьи...» продолжать не надо, сам знаешь.

Или его же: «Мы любим людей за то добро, что им делаем и не любим за то зло, что им сделали». Ну, примерно, я точно цитату не помню, но очень близко к подлиннику. Это же формулы жизни. А пьесы Островского. Ведь его-то вообще, кажется, никто не читает сейчас. Ну, слава богу, хоть театры что-то ставят. Но люди ведь ходят развлекаться, а не для того, чтобы извлечь мораль. А я благодарен маме, что она меня, слава Богу, приучила на всю жизнь, что надо читать, и что извлекать из прочитанного. Она ж учительница русского языка и литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.